

УДК 904; 572

М.А. Корусенко, М.П. Рыкун

ПОЗДНЕСРЕДНЕВЕКОВЫЙ МОГИЛЬНИК ЧЕПЛЯРОВО 27: ПЛАНИГРАФИЯ И АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Рассматриваются особенности формирования планиграфической структуры могильника Чеплярово 27 и дается предварительный антропологический анализ полученных при его исследовании материалов. При планиграфическом анализе главное внимание уделяется подтверждению гипотезы о неслучайном характере совокупностей детских погребений в некоторых частях могильника. Наличие полных детских костяков делает объект уникальным не только для реконструкции половозрастной структуры популяции, но и для исследований возрастных категорий постнатального онтогенеза человека.

Ключевые слова: позднее Средневековье, могильники, планиграфия, особенности, антропологические материалы, анализ.

История исследования группы некрополей позднего Средневековья в низовьях р. Тара насчитывает уже более 30 лет (1970-е гг. – первое десятилетие XXI в.). За этот период рядом археологов исследованы позднесредневековые могильники: Окунево VII [1–4]; Бергамак II [5–6]; Чергалы [7. С. 145–146], Чеплярово 27 [8. С. 119–125; 9, 10]. Упомянутые погребальные комплексы изучены с разной степенью полноты, в рамках различных исследовательских проектов, с использованием различных методик, вследствие чего и получены несколько разнящиеся по полноте полевые материалы и коллекции антропологических материалов.

Общее описание могильников Бергамак II и Чеплярово 27, а также анализ планиграфии с точки зрения выделения совокупностей погребальных комплексов были даны в одной из публикаций М.А. Корусенко и А.В. Полеводова [8. С. 120–121]. В результате работ оказалась исследованной значительная часть могильника, включающая информацию о 121 погребении, получена представительная антропологическая коллекция, состоящая из останков 103 индивидов (КА ТГУ, список 251). Предварительная оценка состояния антропологического материала показала, что комплектность костяков и степень их сохранности очень хорошая, что позволит провести краниометрические (серия состоит из 24 мужских и 17 женских черепов), краниоскопические, одонтологические и палеодемографические исследования материалов средневекового населения Среднего Прииртышья. Для решения задач по исследованию одного из аспектов формирования комплекса нами использованы только планы объектов на материке, прежде всего из-за того, что большое количество детских погребений не было выявлено при инструментальной съёмке могильника в 1999 г. Гипотеза о неслучайном характере локализации детских

погребений в тех или иных местах некрополя, которую мы хотим подтвердить в настоящей работе, появилась у нас уже при исследованиях на СВ окончечности могильника в 2005 г.

Пример локализации детских захоронений в определённом месте даёт нам **скопление** погребений в кв. Г-И 31-41 (рис. 1, 1–2). Здесь можно уверенно выделить **ряды** погребений, в том числе и полностью детских. Так, в кв. Г-З 38-41 расположен один ряд погребений, оконтуренных ровиками – М. 288 (взрослая), ММ. 289, 59, 56, 57 (детские). Ровики у детских погребений взаимно пересекаются, т.е. они так сооружены с определенной целью или, правильнее сказать, исходя из какого-то обязательного условия. Следующий ряд образован погребениями ММ. 53, 54, 58, примыкает к этому ряду с СЗ (у М. 53) М. 55, все погребения детские, тоже взаимно пересекаются своими ровиками. Планиграфически два описанных ряда соотносятся с рядом взрослых погребений М. 45-52 в кв. Д-К 33-36, за которым в кв. Г-И 30-33 прослеживается ещё один ряд из М. 48 (взрослая), ММ 49, 65, 67, 68 (детские), М. 66 (взрослая). Характерно, что детские погребения в последнем ряду могут иметь следы ровиков (ММ. 49, 65), а могут и не иметь их (ММ. 67, 68). В этой связи необходимо отметить, что ММ. 49, 67, 65 (детские) четко укладываются в рядную структуру **скопления**, а ММ. 68, 63А из неё выпадают и могут быть соотношены с группой погребений без ровиков, расположенных к СЗ, которые также образуют рядную структуру. Эти погребения, согласно анализу общей планиграфии могильника М.А. Корусенко и А.В. Полеводова, являются предположительно более поздними и заполняют периферию **скопления** погребений, оконтуренных ровиками [8. С. 121]. В этой группе ММ. 63А, 78Б, 78А, 78, расположенные в кв. Б-Д 32-34, – детские, ММ.

63, 64, 80 в кв. Б-Д 33-35 – взрослые, ММ. 64А, 80А, 81 в кв. А-Б 33-35 – детские.

Следующую группу детских погребений мы выявили на месте жилища № 2 памятника Чеплярово 26, исследованного в 2007 г. В кв. К-П 39-41 выявлены ММ. 300-301, 303, 292, 292А, 297-298, 299 (детские) и М. 291 (взрослая). Здесь просматривается рядная структура *скопления* (ММ. 304 (взрослая), 299, 291 (взрослая) 298, 297, 303). Судя по размещению, эта рядная структура тяготеет к периферии *скопления*. Причём детские погребения находятся как раз на периферии, хотя часть из них и включена в рядную структуру, другие же из неё выключены и, скорее, тяготеют к массивной насыпи жилища №2 поселения Чеплярово 26. Еще один пример группировки детских погребений вокруг взрослых даёт рядная структура в том же *скоплении* погребений с ровиками, выявленная в кв. Н-С 41-45, где к ряду взрослых погребений – ММ. 36, 38, 37 – с В и ЮВ примыкает группа детских погребений ММ. 305–312 (из них ММ. 308, 310, 311 – кенотафы, соответствующие по размерам могильной ямы окружающим детским погребениям). Характерно, что упомянутая группа, в которой сложно выявить рядность, расположена между обозначенными рядами из *скопления* ММ. 304 (взрослая), 299 (детская), 291 (взрослая) 298, 297, 303 (детские) и ММ. 36,38,37 (взрослые). В этом же *скоплении* выделена ещё одна рядная структура – ММ. 20 (взрослая), 33, 319, 318А, Б (детские), М. 293 (взрослая).

Определённые выводы по материалам планиграфии исследованных объектов на одном из могильников Бергамак II сделаны М.А. Корусенко и А.В. Полеводовым ранее [8. С. 121–122, 124]. С уверенностью можно отметить, что сходные структуры выявлены при раскопках 2010–2011 гг. на могильнике Черталы. Можно лишь предполагать, что подобные же структуры существовали на могильнике Окунево VII для погребений с ровиками и без них, в частности, опираясь на данные раскопок В.А. Могильникова ЮВ периферии могильника Окунево VII [1. С. 57–59]. Материалы полностью изученного В.И. Молодиным могильника Кыштовка 2 (XVII–XVIII вв.) в верховьях р. Тара демонстрируют нам рядные структуры, в которые включены и детские погребения [11. С. 10]. Рядные структуры характерны и для более ранних могильников, например, Северного Приобья. Здесь на могильнике Зелёный Яр VIII–XIII вв. выявлены рядные структуры, в которых в ранней группе погребений VIII–IX вв. находятся детские и взрослые могилы, а в поздней группе XII–XIII вв. детские могилы концентрируются во-

круг взрослых [12. С. 153]. Сходная картина выявлена на могильнике Усть-Балык в Юганском Приобье, здесь рядные структуры погребений взрослых и детей характерны для ранних этапов существования комплекса (IX–XI вв.) [13. С. 18, вкладка. С. 144].

Изучение краниологических материалов Среднего Прииртышья было начато в 1988 г. в рамках исследования антропологического состава средневекового населения Среднего Прииртышья [14]. На тот момент территория Среднего Прииртышья была представлена антропологическими материалами из могильников южно-таежной зоны (Малая Бича, Малая Тебендя, Кип), которые относились к усть-ишимской культуре (IX–XII вв. н.э.) и представлены были 17 мужскими и 5 женскими черепами. Из лесостепной полосы Среднего Прииртышья рубежа I–II тыс. н.э. была составлена серия из 10 мужских и 5 женских черепов (Такмак, Мурлинка, Евгашино, Алексеевка, Инберень X), и из могильников лесостепной полосы Прииртышья середины II тыс. н.э. (Окунево III, Окунево IV, Старологиново, Красноозерки, Мурлинское городище) из 9 мужских и 9 женских [14. С. 22]. Последняя серия, как и серия южно-таежная, характеризуется сочетанием монголоидных признаков с небольшой высотой лица, что нашло свои аналогии в уральском антропологическом типе [14. С. 37, 52]. Краниометрическая характеристика небольшого в количественном отношении материала средневекового населения Среднего Прииртышья уже тогда указала на то, что в конце I – начале II тыс. н.э. лесное население Прииртышья в своем генезисе связано с группами таежных монголоидов Западной Сибири, а лесостепные группы были связаны с племенами полусоседных скотоводов степных и лесостепных районов Алтая и Южной Сибири [14. С. 47]. Серия южно-таежного населения (конец I – начало II тыс. н.э.), как и серия середины II тыс. н.э. из лесостепной полосы Среднего Прииртышья, характеризуется сочетанием монголоидности с небольшой высотой лица и соотносится с уральским антропологическим типом. Группа же из лесостепной полосы Среднего Прииртышья рубежа I–II тыс. н.э. характеризуется чертами, свойственными популяциям североалтайского антропологического типа (телеуты, качинцы) [14. С. 37, 48; 15. С. 132].

Различия между разновременными сериями из лесостепного Прииртышья по важным расово-диагностическим признакам (высота черепной коробки, ширина лба, высота лица и носа), так же как и различия между группами из южно-таежной зоны и лесостепи (конец I – начало II тыс. н.э.),

говорят об отсутствии генетического родства между населением лесостепного Прииртышья в конце I тыс. н.э. и в середине II тыс. н.э. Данное обстоятельство свидетельствует в пользу миграции таежного населения в степную часть Среднего Прииртышья [15. С. 132].

Новые палеоантропологические материалы, представленные большим количеством прекрасной сохранности черепов и посткраниальными скелетами, как мужской, так и женской части данной популяции с территории Среднего Прииртышья (Чеплярово 27), могут существенно прояснить многие моменты в расогенетических процессах данной территории и позволят проследить этапы формирования современного населения данной территории. Кроме того, следует особо отметить, что полностью собранный антропологический материал с конкретного могильника представляет собой ценный источник по палеодемографии изучаемого социума. Наличие всех детских останков (62 индивида), различных возрастных периодов – уникальный комплекс для исследования в области возрастной антропологии. За последнее время могильник Чеплярово 27 самый репрезентативный по части палеоантропологических материалов детской части средневекового населения с территории Западной Сибири. Это особо важно для рассмотрения возрастных категорий разных стадий детского и подросткового периода с последующим уточнением годовых интервалов категорий. Так, например, анализ распределения материалов из Чеплярово 27 по возрастным категориям указал на большую смертность детей в период от года до трех лет (25,8%) и с четырех до семи (27,4%). Подобная тенденция, очевидно, будет прослеживаться в средневековых материалах, если задаваться вопросом о причинах смерти (переход от грудного вскармливания к взрослому питанию, ослабление иммунитета, инфекционные заболевания, пр.) Судя по средневековым материалам Нарымского Приобья (по рр. Обь, Кеть, Тым), пик смертности приходится на 6–9 лет, средний возраст умерших детей определяется 5–6 годами (р. Обь, могильник Тискино), 7–8 (р. Кеть, Какрбинский II), 5–6 годами (р. Кеть, Лукьяновский I), 5–5,5 годами (р. Тым, Бедеревский Бор II) [16. С. 290–291]. Высокая детская смертность, подтвержденная материалами из могильников Нарымского Приобья, – следствие ранних родов женщин [16. С. 291]. Обращает на себя внимание закономерность, характерная для средневековых могильников как Нарымского Приобья, так и Северного Приобья, – малый процент смертности населения подросткового и юношеского возраста [12. С. 151, табл.4; 13.

С. 114, табл.61. С. 123, табл. 67. С. 128, табл.73; 16. С. 290; 17. С. 2]. Вполне вероятно, что такая ситуация связана с естественным отбором на ранней стадии детского возраста, и до подросткового и юношеского периода доживали самые крепкие и выносливые дети. Данный вопрос требует специального анализа с привлечением данных по палеодемографии более ранних могильников с территории Западной и Южной Сибири.

Отдельного внимания требует анализ смертности детей в более ранние периоды, такие как последние месяцы внутриутробного развития и первые десять дней после рождения (новорожденные). Чаще всего при предварительных определениях такие периоды редко дифференцируются и определяются просто как «новорожденный» или «ребенок до года». Вполне возможно, что дети, скончавшиеся в ранний возрастной период, могли быть захоронены по другому обряду, нежели дети старшего возраста. В могильнике Чеплярово 27 зафиксировано 12,9% погребенных детей последних месяцев внутриутробного развития (результат выкидыша или смерти при родах) и 8,1% смерти в первые 10 дней после рождения (новорожденные), однако сравнительных данных по исследуемой территории и эпохе пока нет. Тем не менее при сборе этнографических материалов в нижнем течении р. Тара была получена любопытная информация о причинах перемещения поселений и, соответственно, кладбищ одной из локальных групп населения подгруппы аялу тарских татар. Речь идет о комплексах Бергамак II–III на пристани Гомана (поселение и могильник XVII–XVIII вв.), поселение Старые Юрты (XIX в), деревня Юрт-Бергамак [18]. Что касается комплексов поселения Алексеевка 51 –могильник Чеплярово 27 и современной деревни Челябиново и её мазарата (кладбища)*, то относительно них подобной информации собрать не удалось.

ЛИТЕРАТУРА

1. Могильников В.А. Позднесредневековые материалы из комплекса памятников у дер. Окунево в Тарском Прииртышье (к проблеме происхождения тарских татар) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень, 1997. Вып. 1. С. 51–64.
2. Могильников В.А., Конилов Б.А. Могильник потчевашской культуры в Среднем Прииртышье // Советская археология. 1983. № 2. С. 162–182.

* Поселение Алексеевка 51-могильник Чеплярово 27, д. Челябиново и её мазарат расположены вниз по течению р. Тара в 20–25 км от упомянутых Бергамак-II-III, Старых Юрт, бывшей д. Юрт-Бергамак. Обозначенные комплексы (археологические поселения – могильник, этнографические деревни – кладбище) принадлежат, вероятно, территориальным (локальным) группам в рамках подгруппы аялу тарских татар и их возможным историческим предкам.

3. Матющенко В.И., Полеводов А.В. Комплекс археологических памятников на Татарском Увале у д. Окунево. Новосибирск, 1994. 223 с.
4. Матющенко В.И. Могильник на Татарском увале у д. Окунево (ОМ VII) // Новое в археологии Прииртышья. Омск, 2003. Вып. 3. 64 с.
5. Тихонов С.С., Татауров С.Ф. Могильник Бергамак II / Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума. Новосибирск, 1996. Т. 1. С. 58–84.
6. Тихомиров К.Н. Отчёт об археологических раскопках могильника Бергамак II в Муромцевском районе Омской области в 1999 г. // Архив Музея археологии и этнографии ОмГУ. Ф. II. Д. 151-1. Омск, 2000.
7. Мельников Б.В. Поздние погребальные памятники таёжного Прииртышья // Древние погребения Обь-Иртышья. Омск, 1991. С. 142–156.
8. Корусенко М.А., Полеводов А.В. Планиграфия курганно-грунтовых могильников в низовьях р. Тара (предварительные итоги исследования) // Время и культура в археолого-этнографических исследованиях древних и современных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: проблемы интерпретации и реконструкции. Томск, 2008. С. 119–125.
9. Корусенко М.А. Отчет об археологических раскопках курганного могильника Алексеевка 50, поселения Алексеевка 51, курганно-грунтового могильника Чеплярово 27, поселения Чеплярово 29 в 2008 г. // Архив МНС ОФ ИАЭТ СО РАН. Ф. VII-1. Д. 1-1. Омск, 2009. Т. 1–2.
10. Корусенко М.А. Отчет об археологических раскопках курганно-грунтового могильника Чеплярово 27 в 2009 г. // Архив МНС ОФ ИАЭТ СО РАН. Ф. VII-1. Д. 5-1. Омск, 2010.
11. Молодин В.И. Кыштовский могильник. Новосибирск, 1979. 182 с.
12. Зелёный яр: археологический комплекс эпохи средневековья в Северном Приобье / Кол. авторов; под ред. Н.В. Фёдоровой. Екатеринбург; Салехард, 2005. 368 с.
13. Семенова В.И. Средневековые могильники Юганского Приобья. Новосибирск, 2001. 296 с.
14. Багаиёв А.Н. Антропологический состав средневекового населения Среднего Прииртышья // Палеоантропология и археология Западной и Южной Сибири. Новосибирск, 1988. С. 22–54.
15. Багаиёв А.Н. Этническая антропология тоболортышских татар. Новосибирск, 1993. 152 с.
16. Боброва А.И., Рыкун М.П. Палеодемография населения Нарымского Приобья во II тысячелетии. Интеграция археологических и этнографических исследований. // Материалы международного научного семинара. Красноярск; Омск, 2006. С. 288–292.
17. Боброва А.И., Рыкун М.П. Палеодемография населения Нарымского Приобья во II тысячелетии [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://museum.trecom.tomsk.ru>, свободный.
18. Материалы Комплексной археолого-этнографической экспедиции Омского филиала ОИИФФ СО РАН и ОмГУ 1997 г // Архив МАЭ ОмГУ. Ф. II. Д. 105-4. К. 429, 442–443, 446–447.